

Андрей Козырев

**ГОРОДА
В МОЕЙ ГОЛОВЕ**

Стихотворения

Омск 2026

ББК 84(2Рос=Рус)6
К45

Козырев, А.

Города в моей голове: сборник стихотворений. – Омск:
Менестрель, 2026. – 130 с.

В сборнике известного поэта, члена Союза писателей Москвы, главного редактора литературного журнала «Менестрель» Андрея Козырева собраны верлибры и поэмы, написанные в 2013-2026 годах.

© Андрей Козырев, стихи, 2026

ЛЮБОВЬ ЧАЙНИКА

* * *

Это случится однажды:
дети, сбежав с урока,
убегут в открытый космос
и к вечеру
принесут нам подарок –
кусочек неба
в оправе из марсианской глины.

А после этого
они взвалят небо на плечи
и отнесут к реке,
чтобы постирать.

А затем –
дети объявят войну смерти
и захватят царство мертвых
при помощи деревянных сабель,
чтобы выслушать рассказы прадедов
о давно пролетевших жизнях.

Это случится однажды...

* * *

Я попросил ребенка:
«Нарисуй небо» –
он нарисовал птицу
в пустом пространстве.
Я сказал:
«Нарисуй жизнь» –
он нарисовал переполненный цирк.
Я попросил:
«Нарисуй себя» –
он взял рисунок с толпой в цирке
и поставил еще одну точку.

Мой первый враг

Я не видел его лица,
видел только руки
с грязными пальцами
в узком окошке.

Он был закрыт, как в танке.

Он я слюнявил и считал деньги –

Билетер, который
не хотел подарить мне,
восьмилетнему ребенку,
билеты в цирк.

* * *

В пригородном лесу,
в помойной яме,
обнажился пласт древней глины.

На глине
лежат консервные банки,
бутылки из-под пива,
окурки, объедки,
иголки и листья.

Но все-таки это она –
та глина, из которой нас лепили.

Мое жилище

Балконы в моем доме. Высокие балконы,
длинные, застекленные балконы.
Балконы разных цветов и оттенков.
Балконы с разными выражениями на лицах –
грустные, серьезные, ироничные.
Балконы для курения. Балконы для хранения вещей.
Балконы для наблюдения за соседями.
Балконы для сплетен. Для чтения книг. Для любви.
Балконы как часть жизни человеческой,
не принадлежащей человеку вполне.
Балконы как глаза десятков квартир.
Балконы как губы, говорящие об их обладателе
больше, чем он хочет умолчать о себе.
Балконы, балконы, балконы – сто сорок восемь
балконов,
на которых нет ни одного цветка.

Крики

Слышались крики ночью.
Слышался вой сирены.
Слышались выстрелы.
Вскоре все стихло.
Убил ли кто-то кого-то,
был ли кто-то наказан –
не знает никто.
Слышались крики ночью.
Почему – неизвестно.

* * *

Мой сосед сверху похож на Нигде и Никак,
соседка снизу — вылитое Всегда,
ее сын — очевидное Почему-то...

Так и живу
в мире предлогов, местоимений и междометий,

не находя среди них
ничего существительного!

* * *

Раскрытые форточки
беседуют друг с другом
вдохами и выдохами.

Одна сообщает,
что в комнате за ней пьют.
Другая заявляет,
что за ней всю ночь курили.

А третья стыдится,
смущенно моргает
и пытается скрыть аромат женских духов.

* * *

Однажды
я заметил из окна толпу людей
и от нечего делать
сфотографировал ее.
Девушка в толпе была высокая,
красивая,
светловолосая
и черноглазая.
С той поры
я постоянно смотрю на снимок,
чтобы ощутить
одинокость песчинки
на морском побережье.

* * *

Я говорил тебе нежные слова,
но они едва касались тебя,
растекаясь,
как слепой дождь, по коже.

Но клейкие листья
от дождя
освободились из почек;
распустились
клейкие, прозрачные слова
на весеннем деревце,
которое –
ты!

* * *

Чайник поет, словно бедуин.
Огонь на газовой конфорке
признается в любви
воде.
Вода, потрясенная внезапным признанием,
встает клубами пара.

Вот она, любовь:
сначала – внезапная вспышка,
затем – много шума из ничего,
и в конце – все испаряется!

Homo zontikus

Моя любовь к тебе –
как зонтик:
она промокнет до нитки,
только чтобы укрыть тебя
от ливня,
а, как только дождь закончится,
ее ставят в угол –
сохнуть.

Жаль,
что моя любовь нужна тебе
лишь на время непогоды.

Любовь

Два тела встретились –
как две волны
в едином океане.

Где ты теперь, где я?

Два тела встретились –
как корни двух деревьев,
сросшиеся в ночи.

Где ты теперь, где я?

Два тела встретились –
как два холодных камня,
тверды, мертвы, грубы.

Где ты теперь, где я?

Два тела встретились –
как два клинка холодных,
блистающих во тьме.

Где я теперь, где ты?

Как умирает любовь

Это начинается незаметно:
просто глаза становятся чуть тусклее,
улыбка – чуть грустнее,
морщинки в уголках губ – чуть-чуть глубже.
Затем в глубине души
начинается засуха,
и почва,
на которой произрастали нежные слова,
начинает изнемогать от жары.
Потом –
на опустевшее пространство сердца
обрушивается пыльный ветер,
от него начинаются
рези в глазах и в совести,
перехватывает дыхание.
И, наконец, мертвый, белый и легкий иней
опускается на опустевший ландшафт
миновавшего счастья...
Но и от засохших деревьев любви,
когда-то даривших плоды
первым влюбленным
(ибо каждая любовь –
первая на земле),
еще долго продолжает исходить
тонкий, пьянящий,
немного терпкий
и вызывающий странную сладкую боль
аромат.

* * *

Так больно сказать «прости». Давай говорить
о чем-нибудь ненужном: так мы легче пойдем
друг друга. Знаешь,
сейчас – не время плакать, а время прощаться.
Скоро ты снова станешь счастливой.
Наступает осень, пыль
клубится в лучах заката, и дорога
зовет меня. Наверно,
Когда-нибудь мы увидимся снова: не узнаем себя,
или подружимся, или, кто знает, полюбим снова.
А сейчас – просто молча смотри, как кружится
пыль...

Memoria

Когда умирает твой друг,
имя его падает
в твои руки.
Оно плачет,
оно не может жить без хозяина,
оно просит,
чтобы ты его успокоил.

Дай ему дом,
теплое и верное жилище
на своих устах,
и дай ему соседей –
добрые слова
о друге умершем.

Если друг ушел от тебя,
сохрани его имя.
Кто знает,
может быть, он вернется
и попросит имя обратно?

* * *

Быть может,
кузнечик стрекочет
в траве густой и зеленой.

Быть может,
вода зажурчала
в роднике, сквозь землю пробившемся.

Может быть,
люди песню поют
о детстве, весне, о восходе.

Может быть.
а может, и нет.
Ты нас не слышишь.

Что такое война

Война – это не только свист пуль,
не только гром канонады,
не только разрушенные города.
Война – это обмен
обручального кольца,
подаренного мужем,
недавно убитым,
на буханку хлеба.

* * *

Солдаты моей армии – герои.
Солдаты твоей армии – герои.

Они знают, как умирать
и как убивать.

История смеется над этим
и награждает солдат
ненужными медалями
за бесполезный героизм.

* * *

*Все рассказывают звезды.
А.Блок*

Испокон веков
солдаты говорят одно,
а раны солдат – другое.

Когда войска идут на войну,
солдаты поют,
а старые раны – плачут.

Когда войска сражаются,
солдаты кричат,
а раны – горят.

Когда война заканчивается,
солдаты молчат,
предоставив говорить остальным,

а раны – говорят.
Все рассказывают раны.

* * *

Бывают такие лица,
в которых взгляду уютно и тепло,
как в хорошей гостинице
после долгой дороги.
Бывают такие руки,
пожав которые,
касаешься неба.
Бывают такие глаза,
в которых гостят облака и корни
одновременно.

А судьбы,
которая уместилась бы в линию на ладони,
не бывает.

Икона

Икона висит в углу
и закрывает спиной
темное пространство.

И только от веры
зависит,
что скрывается за иконой, –
просто стена,
темная бездна
или седьмое небо.

Жизнь

Припадая на бок,
волоча кровоточащую лапу,
бежит и бежит
раненая лиса
по берегу озера,
опустив морду,
роняя загустевшую слюну,
смешанную с кровью,
в чистую синюю волну.
А за ней
бесконечной синевой расстилается
огромное озеро,
озаренное первыми лучами
рассвета.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

* * *

вкус западного чая
кружит на стрекозиных крыльях
в отделившейся от разума памяти
просыпающейся в пробковой камере
запланированной за тысячу лет
скомканной до атома
маленького как крик
входящий в фиолетовую тишину
между мной и тобой
изгнанной из паутины
но отражающейся в зеркале
бездомных сквозняков

* * *

по ту сторону тишины
живут новые смыслы
невесомые как море
прозрачные как плоть
свободные как деревья
бессмертные как прошлое
они блуждают по нашему будущему
не находя нас
и жалеют
что мы всегда так задерживаемся
по эту сторону тишины

* * *

мечтает золотой лев
в засушенном саду
о лимонной заре
о багровой арене
о полосатом шуме
где кесарь беседуя с Софией
глядит на арлекинов
падающих с неба
с красными знаменами
в классическое море
меняющее кожу на глазах
чтобы наш привычный мир
стал чудом и предчувствием
нового колокола
разрывающего лазурь
в просторах наших легких

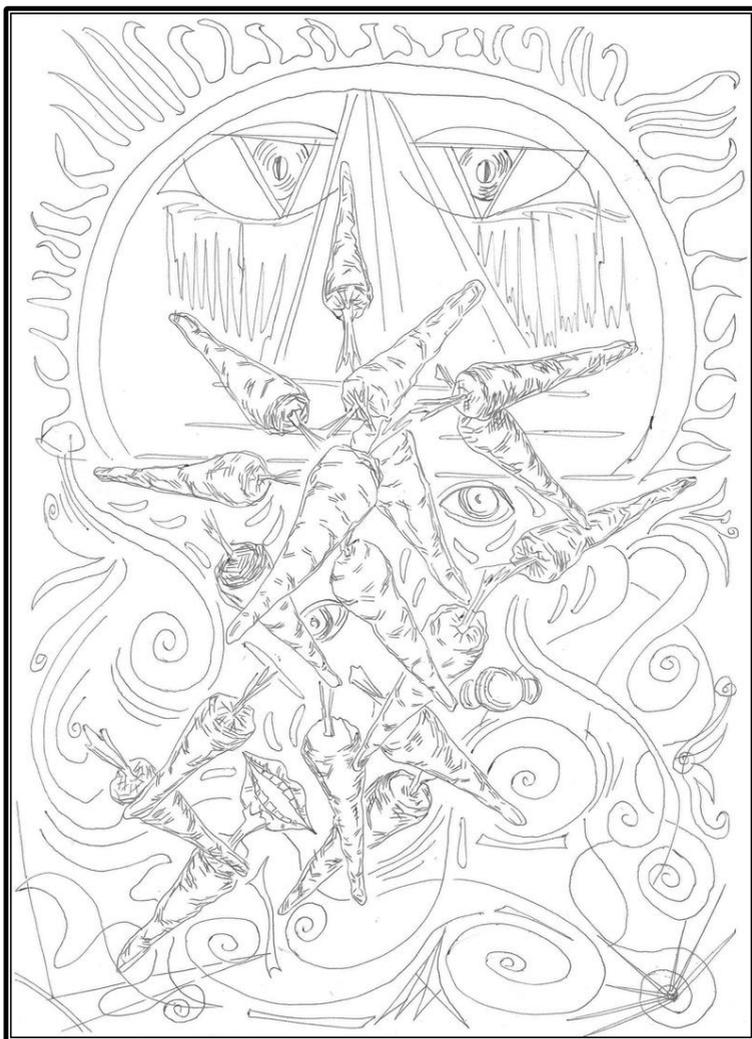
* * *

безвоздушное пространство
падает сплошным потоком
сквозь невидимые крики
в которых
невесомые кентавры
бесстыдно парят
неся головы свои на руках
туда
за пределы протяжения
в мокрую клетчатую тишь
за которой
сиреневые души космонавтов
летят с небес
в лимонную зарю

* * *

буря топит непобедимую армаду
в граненом стакане
наполовину пустом
как эта строка
прикрученном болтами к столу
парящему в воздухе
посреди
граненого
русского
неба

■ апофеоз моркови

* * *

русская береза
нервная и ободранная
пытается вырвать корни из земли
и пустить в небо
в котором больше места
для корней
приставок
суффиксов и окончаний
из словаря времен
в котором все страницы
перепутаны
а последней
нет

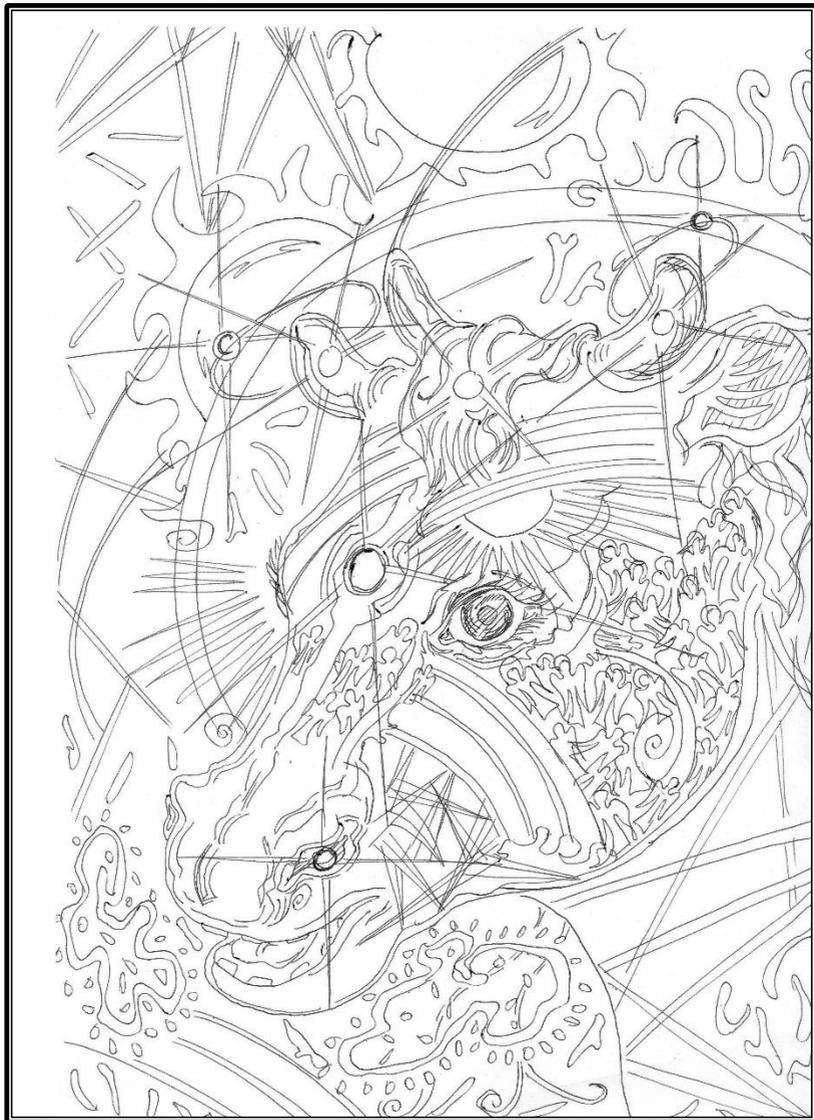
* * *

мой нечетноглавый орел
устал клевать кровавую пищу
под окнами
в забетонированном небе
и просится в полет
над великой степью
моего одиночества
центр которого везде
а границы нигде
как у орлиного бога
разбивающего это стихотворение
как яйцо
изнутри

* * *

человек-невидимка
ищет родину-невидимку
заведенную ключом сказку
осьпающуюся над металлическим садом
как синяя мозаика
на цепи подвешенная к небу
стиснутому молитвами и криками
встающими паром от дышащего моря
полного медом молоком и кровью
трудов и дней
миллионов людей-невидимок
не желающих быть видимыми
чтобы не увидеть себя

■ священная корова

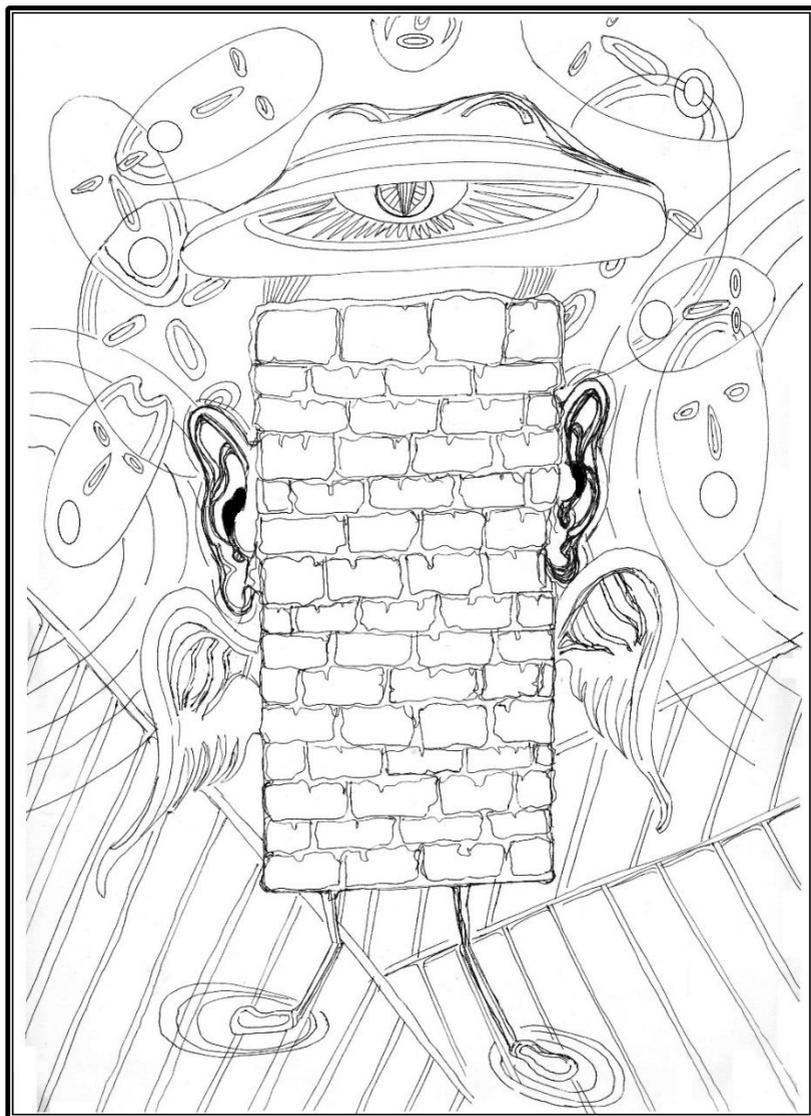
* * *

следа за священными плясками
крылатых медведей
в говорящей небесной степи
я начинаю различать
проторенные наугад
скифские тропы
сквозь серую музыку
повседневных
болотистых
рукопожатий

* * *

я человек-небоскреб большой и квадратный
упершийся в небеса
квадратной головой
с квадратными мозгами
и квадратными словами
в квадратных стихах
выносящихся из квадратного рта
и скребущих небо
которое еще
почему-то
не квадратное

■ и у стен есть уши

* * *

перемещаясь внутри глазного яблока
колоссального изваяния
я нахожу в нем все новые и новые ходы
лабиринты и отдельные кабинеты
с уникальными видами на семь кругов неба
смотрю на райские кущи сверху вниз
тоскую по тому
что уже не устану от ходьбы
и снисходительно киваю стражникам
с нацеленными на меня пистолями
стоящими вдоль моего маршрута
бесконечного и замкнутого
внутри точки Омега

* * *

город как волынка
раздувается и гудит
грядет в зеленом шуме
огромен озорен стозевен и таяй
гудит
бредит
пляшет в золотом огне
питаясь нашими снами
глазами и слезами
из окон
где усталый призрак
бросает карты на стол
извивающийся
как змея

* * *

лошадиная сила
запертая в автомобиле
ржет что есть мочи
бьет копытом землю
закусывает удила
ищет седока
способного освободить из железной тюрьмы
сто раз скопированную
и размноженную на ксероксе
бумажную парнокопытную
птицу-тройку

* * *

в недрах горизонтального небоскреба эволюции
живут искусственные интеллекты
разного калибра
и их создатели
сами не замечают
как шарики искусственного разума
шевелиются в их волосах
щебечут в их ушных раковинах
проникают в их легкие
и пишат там
поэмы
симфонии
проекты застройки новых городов
скрижали новых религий
и встраивают их
в рассуждения естественного интеллекта
успешно пожирающего
своих детей

* * *

мой сборник стихов
стоит в библиотеке
и сквозь книжные полки
видит
как его подземный двойник
заточенный между страниц
земной коры
строит хитрые планы
переписывания моих стихов
и преобразования их
в знаки препинания
в высоковольтном словаре
времени

* * *

книги в ненаписанной библиотеке
разворачивают страницы
машут крыльями
как бабочки
выпускают ножки и длинные хоботки
и разлетаются в небывшее прошлое и ложное будущее
в поисках куколок
в которые им хотелось бы
свернуться

* * *

ПОЭТ-СКВОЗНЯК
бесплотный как Россия
входит читателю в одно ушко
выходит из другого
ничего не оставляет
но многое находит
в себе
простодушном
простуженном
воздушном
легком как камень
мягком как ножницы
вечном как бумага
разграфленная наискосок
для записи
партитуры
русских сквозняков

* * *

мир привычный как картошка
преображается на глазах
меняет кожу
солнце превращается в луну
дворцы из алюминия и жести
врастают в землю как грибы
звезды розы квадраты
обрастают людьми
в очках нарукавниках и испанских сапогах
мастеровито готовящих
в непутаном вакууме
триумф разума
пошлости
и точного расчета

* * *

музыка
моя нерожденная любовь
супруга словесной судороги
твое звенящее тело
ломается пластинкой
дробится дождиком
рыжих звуков
капель крови
из внутреннего поющего моря
где горизонтальный дождь нот
осыпает головохвостых русалок
спиральных спрутов
молчаливую камбалу
врываясь в подводные течения
хорошо инструментированной тишины
вращающие шестеренки
под земной корой мозга
где дяденьки-молоточки
ударяют по омузыкаленным нервам
и бестелесная пружина звука
сжимается до запятой
красные зерна шепота
нащупывают путь сквозь землю
изнутри яйца стучат
слова песни
скорлупа опадает веером голосов
новое звукотело
отражается в телозвуке
горлом смакуя небо
ребрами ощущая любовь
пока тысячи пальцев музыки
скользят по прошлому и будущему
в десяти направлениях
и неприкосновенный запас хаоса
зарытый
в извилинах мозга времени
углубляется в себя
празднуя покоем
как фата Ее молчания
ветвится во мне

* * *

СПОКОЙНО
ПЕЧАЛЬНО
ТИХО
ВОЗВЫШЕННО
НЕЖНО
ЗЛО

мы заперты
не убежишь никуда
да и не надо
никто не мешает
ни склок
ни шума
ни войн
ПОКОЙ

покой

покой

сиди взаперти
думай думай думай
напрягай зрачки
всматривайся в краешек неба
где мигают и щурятся звезды
хищные
как пауки

наша банька с пауками
летит по вселенной
мимо звезд и галактик
через весь космос
бессмысленный
паучий
в высоту
в пустоту
на лету

СПОКОЙНО
ПЕЧАЛЬНО
ТИХО
ВОЗВЫШЕННО
НЕЖНО
ЗЛО

* * *

пляшущие человечки
мелькают у Бога в глазах
по стенам

по окнам

по небу

скользят белые фигурки
пляшут пляшут пляшут
машут руками
бегут по нашим лицам
мыслям

чувствам

машут флажками
подают сигналы

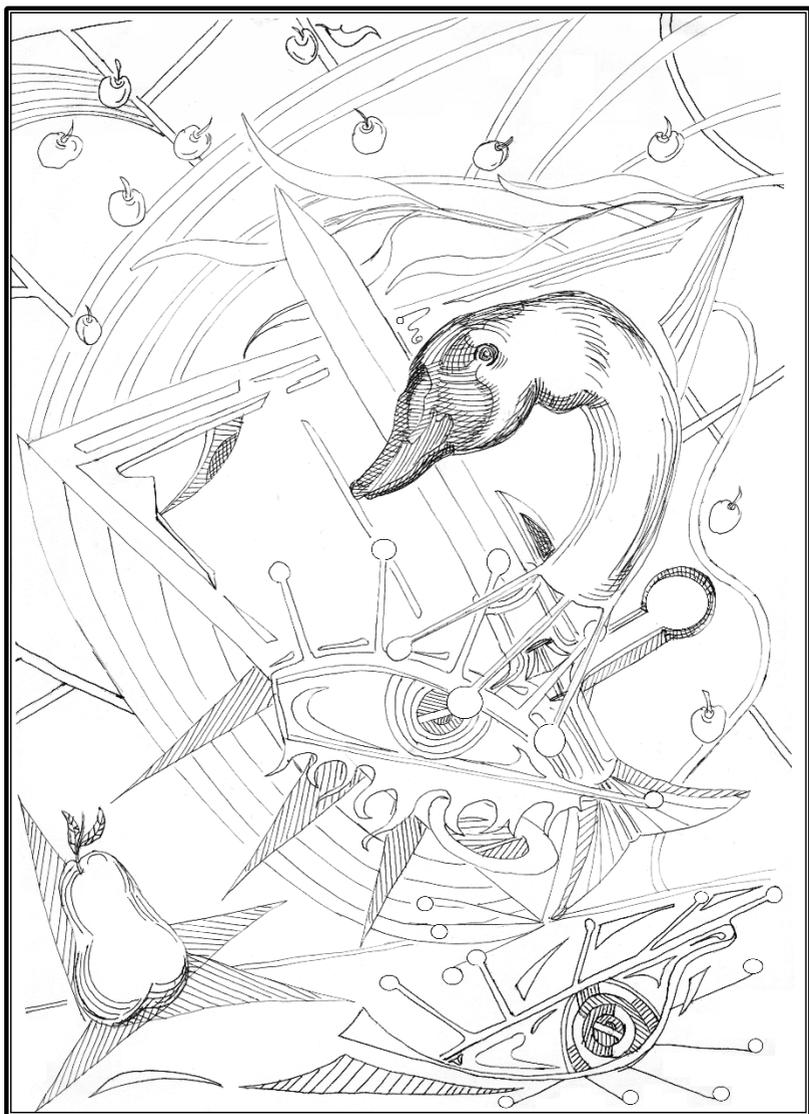
мы только пространство
для их танцев

у них нет ни души ни тела
безгрешный сияющий мел
бесплотная плоть
которая заменит нас

когда на смену нашему
графитному периоду
придет

меловой

■ неустойчивая композиция с треугольной группой

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ НОКТЮРН

Ганне Шевченко

1

В теплом море тлеет
звездопададь. Дикий виноград
жметя к стенам, словно писатель,
возвращающийся с пирушки.
Ветер –
ангел, посланный в ад
и изгнанный оттуда
за дурное поведение –
придавлен к городу небосклоном.

Одиночество звенит,
как цикада, в летней траве. Фонари
подмигивают звездам. И хрустальный воздух
разбит на осколки человеческим
голосом.

Настает ночь. Ночь признаний.
Ночь воспоминаний о жизни.
Это время, когда душа раскрывает все
в ней потаенное. Говори. Говори обо всем,
что ты знал, чувствовал и пережил – и неважно,
услышит ли тебя кто-то.
Говори – с пустотой. Говори в пустоту.
Говори правду.
Там она будет услышана,
ибо в пустоте – ее
родина.

Ночь размывает очертания предметов
 под ногами. И время,
 подобно колесу обозрения,
 поднимает меня над простором прошлого,
 и я могу обозревать с высоты лета его противоречивый
 ландшафт: сначала – сухие степи детства, солончаки, пустыня,
 где еще почти нет людей, красок, голосов;
 чуть южнее – буйные леса юности, сады, парки,
 дворцы вельмож, ныне пришедшие в запустение; а еще
 дальше –
 горы, скалистые и высокие, еле заселенные
 чувствами. Такова карта жизни,
 с высоты полета памяти увиденная.

Эта панорама воспоминаний и зовется в просторечии
 человеком. Бог создал человека не из глины,
 а из воспоминаний. Что мы помним –
 тем и живем. Ибо человек –
 это память,
 в плоть облеченная.

Говори, память. Говори –
 обо всем на свете. О пустяках. Например,
 о жизни и смерти. О любви. О злобе,
 еще более безответной, чем любовь.
 О навязчивости света.
 О прозрачности тьмы. О воспоминаниях,
 в которых люди барахтаются,
 как в воде, не умея плавать.
 О волнах прошлого,
 набегаящих на берег настоящего, уносящих
 накопившийся за день мусор и оставляющих
 раковины, пену и соль.

Соль,
которой всякая жертва осолится.
Соль,
которая обжигает кожу земли.
Соль,
которая ночью блестит ярче далеких и неподвижных
звезд.

4

Говори.
Ночь признаний
лучше Люмьера прокрутит перед глазами
старинную пленку, именуемую жизнью.
Вот садовник поливает цветы, а мальчишка
наступает на шланг; вот поезд,
приближающийся к вокзалу, распугивает
зрителей синематографа. Вечные сюжеты,
вечные черно-белые картины
первой встречи юности и старости,
техники и человека, иллюзии
и реальности; прошлого
и настоящего. Приезжай снова,
как сто лет назад, старый поезд
воспоминания; я больше не испугаюсь тебя.

5

Что наши жизни,
жизни человеческие? Только створки
некоей одушевленной раковины,
темною волной разбитые.
Мы уже не можем звучать,
и между нами уже не зародится
жемчужина. Но нас может подобрать
бродящий по песку ребенок,
забытый родителями, или заплутавший в мироздании
неприкаянный ангел.

Счастье не вернется к нам,
как бумеранг, бьющий по голове каждого,
кто запускает его в пространство –
по-видимому, в отместку
за нарушение покоя. Счастье не возвращается,
ибо оно недостаточно криво, чтобы летать
по кругу. Но и для смерти
этот маленький космос слишком груб.
Соль не сходит с губ
омываемого приливом берега. Ангел
бродит босиком по пляжу,
всматриваясь в даль. Ночь
медленно перетекает с неба
в море.

6

Седина полыни
серебрится около дома,
где жил поэт. Темная волна
памяти опьянена неизбежно
горечью песка, песчинок человеческих,
пересыпающихся на побережье
жизни моей. На побережье,
на границе счастья
и пустыни человеческой,
как и тысячелетия назад,
возвышается ночь.
Ночь – собор всей твари,
ночь – единение прошлого и настоящего,
ночь воспоминаний,

чаша,
до конца мною испитая.

МОСКВА В МОЕЙ ГОЛОВЕ

Поэтихроника минувшей вечности

1. Парад тишины

И вновь я посетил
столицу встреч и разлук, точку схода
надежд и разочарований, материальную точку сборки
бесчисленного множества невидимых исторических
линий, библиотеку слов и дел, раскинувшуюся
на территории, равной полутора Нью-Йоркам или доброму десятку
Парижей,
великую первопрестольную,
город сорока сороков царей и царьков –
Москву.

Я,
Андрей Козырев, тварь
недрожащая, небочеловек,
гражданин поэзии, столичный литератор, член
Москвы, поэт номер
две тысячи пятьсот сорок четыре (согласно билету городской
писорганизации, полученным неделю назад),
прохожу по Садовому кольцу, как конец часовой стрелки,
гонясь за своим более быстрым подобием – мечтой,
проходит концентрические окружности по краю
циферблата судьбы, не имея возможности попасть в его
центр – и тем более в сердцевину того механизма,
железная воля которого и дает ему
жизнь.

Я ищу кратчайшую дорогу к Красной
Площади, где готовится
шестьдесят девятый Парад одной на всех Победы,
но постоянно натываюсь на перегородки,
турникеты, охраняемые полицией, пропускающей
только обладателей заранее полученных
пропусков.

Чтобы победить в войне,
не нужно заполнять заявку на победу и получать
согласие в руководящих инстанциях, но,
чтобы отметить праздник, нужно иметь разрешение.

Улицы, ведущие к Красной площади, перегорожены,
как нередко перегораживается запрудами человеческая
совесть,
когда она грозит затопить разум неудобной ему
правдой.

Народ тем временем смотрит праздник по
телевидению. Улицы опустели.

И я, не попавший на парад вооруженных сил, наблюдал в Москве
Парад Тишины. Тишина проходила
по опустевшим улицам, войска ее
несли бесцветные знамена;
тишина маршировала по брусчатке площадей,
тишина расточалась, рассеивалась,
как зерна, в пространстве, дабы возродиться
ростками новых стихов, –

Тишина Московской Земли,
тишина, пересекаемая
гудками машин и трехцветными
полосами, чертимыми самолетами в небе.

Тишина,
бесконечное пространство тишины,

в которой вечно вращается
некая полая сфера,
похожая на земной шар.
Сфера, центр которой –
везде, а границы –
нигде, как сказал
какой-то допотопный
философ.

2. Небесная Москва

...Незадолго до праздника
поступила информация о возможном
теракте. И полиция, дабы не допустить
теракта, принялась терроризировать население
мерами, необходимыми для его охраны.
Красная площадь была перегорожена
турникетами, охраняемыми служебными собаками
и приставленными к ним полицейскими, сорок сороков раз,
и, чтобы пройти из одного края площади на другой,
надо было перенести как минимум семь досмотров.
Здесь становится ясным отличие
милиции от полиции: если моя милиция
берегла меня, то наша полиция нас
стережет.
От нас же.
И в этом ее работа подобна работе
совести
и противоположна работе разума.
И я, доморощенный
Улисс, странник, не имеющий цели
странствия, проходил по этому лабиринту,
мучаясь от нестерпимых болей в ступнях,
стиснутых слишком тесными ботинками, подаренными
незадачливым другом за день до вылета моего
в Москву.

А над лабиринтом города грозно нависал другой лабиринт, – пересечение тысяч путей небесных, домов и обиталищ, деревьев, животных, человеческих тел и лиц, облаками созданных. Москва небесная простиралась над земной на сотни километров в высоту человеческой памяти. Москва, где нет ничего постоянного перемен. Столица, ветром гонимая от одного края земли к другому. Город, построенный без единого камня. Пространство пересечения аэропутей, облаков и голосов, траекторий душ и воспоминаний человеческих, покинувших землю. Небесное метро, по которому передвигаются души. Транспорт потаенных чувств и переживаний. Пустота, наполняющая мир. Реки пустоты, напоющие вселенную. Небо, огромное, как тишина. Москва небесная.

И Улисс блуждает из края в край неба, то умирая, то воскресая, по бесконечным лабиринтам без крыш и стен. И пустота содрогается, когда полый шар человеческого воображения вращается в пустоте, приводя в движение мир.

И я проходил пустоту из края в край горящими ступнями, как Красную площадь, где земля действительно настолько кругла, что на ней невозможно было бы удержаться, если бы не давление неба, утяжеляющее нашу поступь и прижимающее нас к земле. Над Красной площадью всего круглее небо. Оно изогнуто, как выпуклая линза, через которую мы рассматриваем ничтожно малую часть поверхности голубой кожи небес, пронизанной белыми кровеносными прожилками.

А вот бы взглянуть сквозь линзу неба
на себя: какие мельчайшие первоэлементы
подлости и благородства обнаружались бы тогда,
какие истины стали доступны бы людям?
Впрочем, для этого надо перевернуть
линзу, перевернуть
небосвод,
лицевая сторона которого голуба, а изнанка –
черна, –
по крайней мере, так кажется нам, жителям земли,
затерявшимся в недрах
неба и воспринимающим его
изнутри.

Шар Земли несется по орбите сквозь
черноту изначальной материи, сквозь
время и пространство. Человек
идет по поверхности земного шара
и спотыкается от боли вонзающихся в подошвы
тысяч незримых иголок. Дело не в обуви,
тесной для ног, а в теле,
слишком тесном, чтобы вместить
душу. И душа
медленно выходит, как капли пота, сквозь поры
времени,
задышающегося от жары.

3. Недоказательство жизни

Наконец, после двух часов блуждания по
лабиринту площади, посетил я
инсталляцию в Манеже, ради которой и пролетел
три тысячи километров, три тысячи
книг и картин, за столетие написанных, –
на выставку русского авангарда,
сделанную неким британцем, проживающим в Голландии.

Это была
выставка Времени. Самый совершенный созданный Богом
Ад; настолько совершенный, что от созерцания его безупречной
деланности
чувствуешь себя на верху блаженства. Серый полумрак зала,
разрезаемый по диагонали плоскостями изображений,
телевизионными экранами минувших дней с лицами
поэтов, художников, режиссеров, картин,
рисунков, фильмов, вещающих
отчасти подлинные, отчасти выдуманнные монологи;
пол, перегороженный так, что почти невозможно
пройти темноту из края в край, не споткнувшись;
зрители – умственные дамочки и сопровождающие их мужчины,
занятые глубокомысленным созерцанием постановки
спектакля памяти. И кажется, что в темноте над всем этим
блуждает незримый Улисс,
бог, забывший о своей божественности,
по вечно вращающемуся шару человеческой
памяти, памяти крови.

Алые шарики несутся по
венам вселенной. Я вхожу
в неосвященный зал прошлого,
в искусство, не хотевшее быть
Искусственным, в историю,
не хотевшую становиться прошлым.
В вечное сегодня. В Настоящее-
В-Прошлом. В категорию памяти,
переходящей в предчувствие. В мир,
неосуществленный полностью,
но долженствующий быть.

Тишина. Тишина, набухающая,
как почки на вербе. Тишина,
собирающаяся в единую точку.
Тишина, порождающая безумие,
которое есть перебродивший
разум.

Концентрические окружности расходятся от точки безумия, поставленной гением, и захватывают мир. Слово прыгает, как камешек, по поверхности воды жизни, нарушая покой ее.

И над всем этим полый шар вращается в пепельно-сером пространстве. Улисс блуждает от континента к континенту. Небо прячется в конверт облаков, чтобы быть отправленным по ангельской почте.

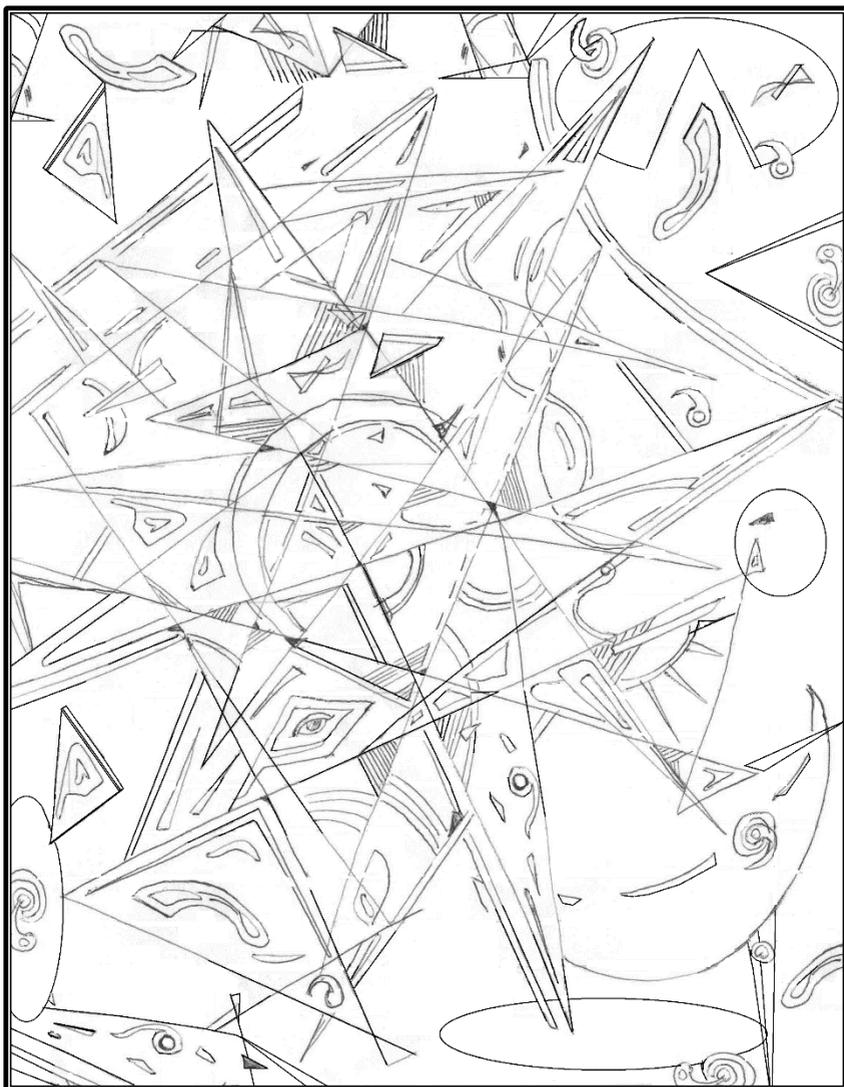
И от созерцания этого зрелища сами собой выстраиваются в воображении строки трактата, которые могли бы быть написаны неким художником, супрематистом Творения – или сами написали бы супрематиста на серовато-желтом холсте человеческого воображения. Кисть снует по холсту, оставляя черные полосы мыслей, и выстраиваются в ряды примерно такие фразы:

«Главной проблемой, которую нам предстоит преодолеть, несомненно, является смерть. Но, чтобы добиться этого, необходимо устранить ее причину, именуемую банальным коротким словом – жизнь. Смерть подлежит физическому уничтожению, а жизнь можно победить простым указом о ее отмене. Стоит председателю земного шара объявить, что жизнь аннулируется, как станет ясно, что ее на самом деле и не существовало как явления эстетически наполненного. Ведь, в действительности, если жизнь в строго научном определении есть способ существования белковых тел,

то какое отношение это может иметь к поэзии, мысли, созидательной эволюции, работе души? Смерть есть поэтическая реальность, тогда как жизнь есть пустота между рождением и смертью, которую мы и пытаемся всеми силами заполнить. Мы боремся с пустотой, в конечном счете, с жизнью, а так как пустоты не существует (ибо еще древними греками было доказано, что пустота есть несуществование, следовательно, ее не существует), то и жизнь есть фикция с точки зрения поэзии. Возможно, когда-то она и будет существовать – тогда, когда прекратят быть пространство и время, энергия и материя, ограничениями своими придающие нам характер смертных. Сейчас же жизнь есть великолепная гипотеза, которую нам предстоит доказать или опровергнуть... За работу, друзья!»

Я ухожу с выставки, унося воспоминания,
боль родины – на подошвах своих,
измученных ботинками на два размера меньше, чем я
могу надеть, и вдохновение –
в груди своей, как воздух
иной планеты, в мои легкие навсегда
въевшийся острее туберкулеза,
воздух, не имеющий облика
и голоса; воздух,
в котором вращается полый шар и странствует
божественный Улисс, умерший и
вечно воскресающий, – странствует
от воспоминания к воспоминанию.

■ мой распорядок дня

4. Пространство Супремус

Метро везет меня
с выставки в гостиницу. Я сижу,
повторяя в памяти строки, сложившиеся
на выставке (см. выше). В это время
в вагоне, где я еду, пьяные пассажиры
затевают драку. Метро останавливают,
и полиция выпроваживает пьяниц
из вагона.

Драка на перроне
человеческой истории, по-видимому,
не прекратится никогда. И буяны,
и люди, утихомиривающие их, навеки остаются
спутниками Истории, – искусственными
спутниками, запущенными
в космическое пространство.

Тишина набухает.
Спутники посылают планете все новые сигналы.
Шар продолжает вращаться
в сером пространстве, во внутреннем пространстве
памяти.

Словно в песне, в небе происходит
тайное движение. Струи воздуха принимают
подобие человеческого лица. Мир становится
человеком. Человек обращает к миру
чистое лицо свое.

Я читаю книгу
в метро. Поезд выезжает
из туннеля на метромост в тот самый момент,
когда над Москвой начинается
фейерверк. За окнами мелькают
звезды, розы, квадраты, расширяющиеся

сферы – воплощенные образы созидательной
эволюции. И в пространстве супрематизма
поезд взлетает. Он проникает
в те сферы, где странствует
Улисс, – в сферы на три тысячи километров
выше уровня человеческой
жизни. Там и пишу эти строки
я, небочеловек,
член Москвы, поэт номер
две тысячи пятьсот сорок четыре,
космос,
и надеюсь не кончить до смерти.

*09.05.2014.
Аэропорт «Шереметьево»,
зал ожидания.*

ВЕЧНОСТЬ

Поэма

заклученный в скорлупе земляного ореха
я пробиваюсь в бесконечное пространство
силой сверхсознания
извлекая СМЫСЛЫ
из своей четвероединой сущности
я сооружаю
многоэтажную надстройку
над базисом собственного черепа
шевелюры
своих костей кожи мускулов
живота икр и щек
приникаю ухом к собственному второму уху
препарирую свое внутреннее содержание
чтобы усложнить
и без того запутанную форму
ценимой знатоками
и неизвестной широкому читателю
не поддающейся форматированию
двухтомной
духовно-бумажной жизни
изъятой из всех библиотек

заклученный в скорлупе земляного ореха
я расширяю жизненное пространство
вокруг себя
выдумываю и материализую кубические объемы пустоты
надстраиваю над собой потолок
строю стены укрепляю пол
наполняю вакуум воздухом
изобретенным мной
в мое пространство вторгается оформленная пустота
принимая облик хищной птицы
козла и льва

вырастающих из стен вокруг меня
и исчезающих от соприкосновения с моим взглядом
я не боюсь их
я брат Христу
не по крови а по делу
и создатель собственных вселенных
вертящихся калейдоскопом
внутри моего первоначального Слова
заключенного в скорлупе земляного ореха

материальный и плотский
я живу внутри нематериального но светящегося Слова
хожу в нем по воде
проникаю в микромиры
и там жонглирую звездами
меняю состав пустоты
превращая ее в свободу
и состав свободы
превращая ее в самосозидаемую необходимость
которая ветвится во все стороны
расширяя меня
альвеолами событий
до границ грудной клетки настоящего времени
дышащего будущим
и выдыхающего прошлое
в стерильно отцензурированный вакуум вечности
заключенный в скорлупе земляного ореха

неожиданно в мое уютно застекленное одиночество
откуда-то сваливается невоспитанный кирпич
я смотрю на него свысока
сажусь в позу лотоса
и начинаю медитировать над кирпичом
чтобы расколоть его
силой мысли
кирпич не раскалывается
но начинает вращаться

кряхтит
и медленно поднимается в воздух
энергия моих мыслей
наделяет его душой
такой же кирпичной как и он сам

я не успеваю заметить
как он выпивает мою внутреннюю силу
и становится медиумом
безликий
и тысячеликий
осколок праматерии
могущественный первоатом будущего
бесконечный в пространстве
в движенье живой
кирпич
концентрированное воплощение энергии силы и массы

он не бог
не царь
и почти не герой
обычный пятый элемент
вульгарный как правда
скучный как совершенство
он грубоват
иногда слишком навязчив
но для светлого будущего не важны
наши сопли и слезы

из него нас построили
им и прикончат

угрюмый кирпичный мозг
видит нас насквозь
его мысли пробивают
любые черепные коробки

в моей уютной мыслительной бесконечности
заключенной в скорлупе земляного ореха
посреди белой шевелящейся пустоты
кирпичи плывут
по реке времен
резвой стаей
переругиваясь
с удивленными поселянами
на кисельных берегах
возвещая новый порядок
тишь
благодать
и кирпичный век
поэзии и архитектуры

Кирпич взгромождается на пьедестал
из себе подобных
и торжественно провозглашает
свои заповеди:

*Я кирпич,
основа твоего дома,
да не будет у тебя другой опоры в жизни, кроме меня.
Не слушай песни ветра,
не опирайся на воздух и не дыши полной грудью.*

*Будь тверд и прочен,
прямо и тупо,
чтобы легче было работникам моим обходиться с тобой,
не проси слишком многого
и не мечтай ни о чем никогда.*

*Будь послушен,
когда понесут тебя руки работников моих,
ложись там, где они положат тебя,
и не смей передвигаться самостоятельно,
чтобы не отстранили тебя от стройки
нашего будущего счастья.*

Не возлюби без служебного распоряжения.

Не возненавидь без служебного распоряжения.

*Не возжелай ничего, кроме того,
что укажут тебе в служебных распоряжениях.*

Ни о чем не рассуждай, но на всякий случай помни обо всем.

Не спрашивай ни у кого, что именно мы строим.

*Не обижайся на кирпич,
когда упадет он на твою голову и сокрушит ее,
ибо человеку – человеково,
а кирпичу – кирпичево.*

Радуйся.

SALVADOR ARISTO CALIORUM REGINAT DON TA BRIANO

Кирпич самоуверенно восседает на троне
посреди сцены кирпичного варьете

подчиненные ему кирпичи носятся над сценой

публика в зале недоуменно вращает глазами
то аплодирует то ужасается
но все еще чего-то ждет
не понимая
что уходить из театра будет некуда

театр кирпичей прочно стоит среди бушующего мира
левитирует над объятый пламенем землей
по которой пролетает огненное перекасти-поле
а вокруг
в пространстве и времени
прошлом и будущем
построенные людьми и богами Вавилоны и Иерусалимы
Вальхаллы и Атлантиды
рассыпаются краснокожей вечностью
состоящей из кирпичной крошки

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Поэма

громоздкий многоэтажный сумрак
огромный военно-сценический лагерь
медленно вращающийся вокруг своей оси
шестеренчатый как время
занимающий поле которое по сути лес
и лес который по сути поле
огороженный колючей проволочной вечностью
куда ни бросишь взгляд –
бивуаки
обозы
брань и крики
неуклюжее движение телег
детский плач
топот ног
грязь
пыль
исходящая из сердцевины вещей
людей
прописных истин
сражающихся деревьев
потерянного и обретенного времени
молчаливой звезды над лесом
который поле

дозорный движется с фонарём в руке
вдоль лагеря
вдоль лесополелеса
вдоль чужих надежд и страхов
брани слёз и молитв
категорического императива и звёздного неба
свет фонаря выхватывает из тьмы солдат
лежащих на привале

курящих несуществующие трубки
офицеров
следящих за несуществующим порядком
пленных
поющих разнокосязычную песню
беженцев
греющихся у взъерошенного костра
нищих
скомкавшихся в клубок
центр которого везде
а границы нигде
матерей с детьми
завернутых в вороха тряпья
стволы деревьев
камни у дороги

дети плачут
кричат
но их почти не слышно
крики детей завернуты в шорох травы
шелест листьев
топот ног
пыль у дороги
пыль
встающую клубами

лица людей
вылепленные из темноты
проступают из себя
из лица выступает второе лицо
из второго третье
из третьего четвертое
нечеловеческое
из которого вылетает
летучая мышь

из невылепленного черного неба
иногда выступает Небытие, с которым мы воюем
молчит
изредка булькает как болотная жижа
в этой жиже неторопливо проплывают
ангелы, рыбы и ничто
верлибры и терцины
малые сексты и большие секунды
черные квадраты и желтые треугольники
переворачиваются
отзеркаливают друг друга
и пропадают в разрывах времени
палочки и колбочки вертятся
вокруг всевидящего ока

солдаты, беженцы и колбочки
при приближении дозорного
играют в ничто
притворяются темнотой
выкрикивают по очереди
– ты кто? – я никто – я ничто –
я ниоткуда – я никому –
я ни-ни – я не-не
я нет
спорят кого больше нет
состязаются в беге в ничто
передают несуществующую эстафету
проплывают в ниоткуда
ментоморят и метемпсихуют
выпадают из эфира и ниоткуда появляются в нём
вертящимися палочками и колбочками
до тех пор пока всё их облако с невидимым стержнем
окончательно
не сыграет в ничто

дозорный идёт по краю бесконечного лагеря
погружаясь в прошлое и будущее
прошлое-в-настоящем и будущее-в-прошедшем
выхватывая оттуда отдельные звуки и крики
клинописно оформляющие генеалогию мгновения
точки настоящего
среди вертящихся запятых и вопросов
прошлого и будущего
над которыми летят драконы
образующие в небе истории
огромный драконописный драконостас
не поддающийся объяснению
даже для самых учёных драконоведов
сложносочинённого времени
тысячелетней поэмы
которая по сути
тысячелетняя война

дозорный идёт по краю снящегося ему лагеря
превращающегося в театр
непрерывно расширяющийся
и режиссирующий своё прошлое
по законам будущего-в-ненастоящем
невидимые скрипки играют в лапах у драконов
летающих над лагерем
зияющие пустоты прошлого и будущего
подпевают мелодиям скрипок
плач детей и крики раненых составляют аккомпанемент
вертящиеся запятые и вопросы молчат
не оставляя возможности выбора
единственному Зрителю
состоящему из огромного глаза

в зрачке единственного Зрителя
таится ослепительная точка
незаселённый полюс темноты

боящийся быть открытым
и отражающийся в каждом действующем лице
не понимающем
что все мы немножко зеркала
зеркально зеркальствующие Зеркалозрителю
вертящимся колбочкам и драконам
в тайнозеркальном представлении
спектакле смыслов
которые суть одно

глядя на псевдопредставление
я рисую
на холсте осязаемого времени
поступками и антипоступками
свой антипортрет
в разобранном на первоэлементы виде
между которыми пролетает летучая мышь

раздается шепот
шорох
шуршание
*кто ты – где ты –
зачем ты –
откуда твоя ниоткуда –
кто защитит тебя от тебя
когда тебя не будет –
кто заговорит через тебя
когда тебя не будет –
кем ты станешь
когда перестанешь быть собой –
– я то, чем ты был, когда тебя не было –
– я больше ты чем ты –
– ты больше я чем я –
– ты никто –
– ангел рыба и никто –*

три главных героя современной поэзии
укладывающихся в паутинные анналы
божественной поэмы
тысячелетней войны
в которых они
одно

в многоэтажном полупрозрачном небе
расцветает сад камней
исконный первородный
камни – это тоже деревья
и тоже могут цвести
люди – это тоже камни
и тоже могут становиться деревьями
деревья – это тоже роботы
и могут становиться металлическими

камнедеревометаллолюди идут на битву
каменная ольха против металлической осины
никелевый дуб против цинкового тополя
огненная рябина против расплавленной берёзы
сплетаясь ветвями они становятся одним мёртвым деревом
древом мёртвой камневечности

дух чисел смотрит с неба на битвы деревьев и камней
и подводит итоги в точной смете
за его спиной
сидит на звёздном потёртом ковре
бог-младенец
и играет в кубики
куклы
людей
природу
мироздание
создаёт и разрушает миры
по-детски смеётся и потирает руки

он не понимает
что его всемогущество причиняет боль игрушкам
он не виноват
он ещё младенец
но уже бог

ячеистый воздух полон воздушных могил
из них кричат духи неизвестных солдат
на разных языках
сеть их криков ловит живых
и утягивает в воздушные могилы
открытые для всех
дозорный идёт осторожно
чтобы не попасть в воздушную сеть
звуковую ловушку
полную криков и шагов

шаги шаги шаги
чёрно-белые шахматные
размеренные
не отсюда
дозорный слышит, что кто-то идёт
по земле или по небу
окликает
– стой кто идёт
стой если можешь стоять
стрелять буду
раз другой третий
не слышит ответа
стреляет в ячеистую темноту

громкая тишина
тихий стук
тяжелое падение невесомого тела
луч невидимого света
озаряет лежащего на земле

это поэт
немного бог и немного ребёнок
заблудившийся в войне
свидетель случайностей
фронтной корреспонденции
из сердца неотзывчивого леса
загляделся на многоэтажные звёзды
воздушные могилы
звуковые ловушки
драконостаи
ангелов рыб и ничто

теперь он
лежит на земле
бессловесно
и смотрит в Ослепительную Точку
незаселённый полюс темноты
исходящей изнутри каждой вещи
теряющей и обретающей время
под звёздами
ангелами и рыбами
не рассказывающими
ни о чём

*
*
*

ОБЛАКА

Божественная комедия

мыслительные облакогоры проплывают по неторопливому небу
нетленная плоть из воды и воздуха
облакокрыльшкует распадается на волокна соединяется снова
принимает разные образы
рассуждает
блаженствует

со звездой говорит

еще кто не родится водою и Духом,

не может внити в Царствие Небесное

сказано было

и по этому слову

вот чем стали наши труды и дни –

подвижной тканью из воды и воздуха

сложносочиненной плотью облаков

облакоптицы проплывают рядом с облакорыбами

облакопальмы качаются около облакозамков

эта облакобабочка когда-то была Рафаэлем

этот облакосверчок – Пушкиным

теперь они пространствуют в винноцветном небе

блаженствуют творя из себя белые храмы

облачную поэзию живопись и архитектуру

посылают друг другу белые улыбки

объединяются в хоры вокруг единого солнца

и воздают ему небывалую славу

водою и Духом

белыми строчками и взмахами крыльев

гнутой речью перистых нервов

текучим разумом всеединого неба

белого волокнистого мозга под куполом

из двух лазурных полушарий

состав воздуха в жилах облаков непрерывно меняется
в воздушную плоть внервляются неожиданные мысли
облакам иногда кажется, что они не на небе, а под землёй
подземные облака из белых невесомых глин

плывут под поверхностью планеты
тяжелокровные волны зыблются тихо
из них восходит медленный разум первоматерии
он поднимается сквозь тонны воздуха,

потом – сквозь тонны апейрона
к престолу Первосвета который стоит за всем
материя беседует со светом а свет с материей
они отражаются друг в друге
единым блаженством
и чувствуют что наконец освобождены
нет больше времени и смерти
нет больше границ
только мыслящее ликующее Всенебо

вокруг и внутри ликующей Всеземли

облакорозы посаженные в небе кивают облакотюльпанам
облаконарциссы отворачиваются от облакорепы
небесные грядки тянутся перистыми линиями
растущие на них души беседуют друг с другом

Облакобрюква 1

когда-то я было нищим
не ело по несколько дней
мёрзло по ночам
теперь я не ем вообще
не сплю
только блаженствую
в лазурных полушариях Сверхсознания
о котором я не знаю ничего
кроме того
что я его часть

Облакобрюква 2

когда-то я было солдатом
я бросилось на амбразуру
пули не смогли пролететь сквозь меня
я спасло других бойцов
положило жизнь за други своя
теперь сквозь меня пролетают лучи
согревая другие облакоформы
и я блаженствую от этого
наконец-то я прозрачно
невесомо
и ни с кем не воюю

Облакобрюква 3

когда-то я было шутом
человеком бесконечного остроумия
играло с маленьким королевичем
и это было радостью
потом пьяный король ошпарил меня отваром на пиру
я завизжало и умерло
теперь я вижу
как на земле
мою могилу разрыли
над моим черепом рыдает принц
и смеются два гробовщика

Облакочеловек

когда-то я было поэтом
написало много книг
в них были мой рай и мой ад
похуже, чем этот, но мои
родные
теперь я скучаю по ним
по своему столу
тетрадкам книжкам
по темноте в окне

по тихой музыке и вкусу чая
по своему человеческому облику
который я пытаюсь принять
деформироваться
но всё равно остаюсь облаком
блаженным и скучным

Арнанди

светящийся богомладенец
облачённый в солнце
я мыслю облаками
распространяю себя по полушариям лазурного
Сверхсознания
полусуществующие сущности проносятся между ветвями
дерева событий
растущего в моём вселенском мозгу
мой мир состоит из одних мыслей
в которых прошлое настоящее и будущее
осанны и ропот
стихи и молчание
поэтооблако
не скучай по земле
ты видишь
мой лазурный мозг
переносит тебя в прошлое
ты видишь
что было когда-то
и что перенесло тебя сюда

— — —

*Фиолетовые кручи
громоздятся одна на другую. Уступ на уступ,
обрыв над обрывом. Изредка среди них
проглядывает золото, редкие светящиеся
прожилки. И красные всполохи
падают на медленно ползущие вверх громады
от светила, где-то скрытого
и пульсирующего – то ярче, то слабее.*

*Синие полосы
извиваются, как змеи, ползущие
с земли на небо. И под ними, ниже всего и вся,
стоит, распяленный в средоточии четырех измерений,
маленький металлический
чернеющий среди фиолетовых круч
крест.*

— — —

*Они хотят, чтобы
ты дрожал и задыхался. Они хотят,
чтобы ты метался по кресту вверх и вниз,
разрывая плоть, чтобы добыть хоть немного
воздуха. Они хотят,
чтобы ты наизусть выучил геометрию страданий
собственного тела. Чтобы ты стал живым чертежом
человеческой боли. Чтобы каждый атом истины
проникал в твой организм в муках. Чтобы крючья вечных
вопросов
разрывали оставшееся тебе время. Чтобы ты не знал,
есть ли прошлое и будущее,
настолько все собрано в настоящем. Чтобы настоящее
не позволяло забыть о себе
и было бесконечным,
как маленький металлический
чернеющий среди фиолетовых круч
крест.*

— — —

*Крик вырывается
из сведенных судорогой губ. Он пробивает дорогу
сквозь лабиринты воздуха, бьется о стены
воздушных потоков, извивается, ползет
вверх, вверх, вверх,
к агонизирующему солнцу. Архитектура облаков
не хочет его пропускать, он разбивается
о фиолетовые кручи. Колючая проволока взглядов
мельтешащих в воздухе ангелов и демонов*

раздирает его на куски, клочья крика остаются
на ее нервах. Солнце пульсирует,
мыслит и мыслится,
но остается недоступным. Отец,
на что ты оставил меня? Светящиеся точки
боли в инферносфере впиваются в мои глаза. Металл креста
режет мою спину. Память сворачивается клубками
в язвах на ладонях. Мои раны
начинают говорить друг с другом,
и между ними тоже идет война.

Дух нелепости
извивается кольчатым червем в воздухе. Изгибается
криком,
полумесяцем, чайкой, воронкой,
проползает в мои раны и впрыскивает в них боль
оттого, что все это – зря. Дух принимает формы
звезд, роз, квадратов,
расписывая пространство вне и внутри меня
умолчаниями. Он бел
и всецветен. Он таится
в каждом луче невидимого солнца
и преломляется в моих ранах. Он вышел за пределы чисел,
но остался в протяжении
и раздавил бы меня, но моя боль
велика слишком.

Сердцебиение. Новый выплеск крови
бежит по сосудам вселенной. Мускулы сокращаются,
Грудная клетка расширяется, пропуская внутрь кислород.
Горло дрожит,
не выпуская ни одного звука. Небо сжимается,
принимая выплески твоего отчаяния.

Разбросанные в пространстве крупницы надежды
кристалликами соли ложатся на звучащую плоть. Кубы
перемалывают время. Металлические поршни
движутся в фиолетовом просторе надо мной.
Последнее дыхание свивается узлом.
Синие змеи ползут с земли на небо,
оставляя лохмотья истин по траектории своего пути.
Нет больше ничего,
только охваченная сиянием крепость
плоти, которая теперь душа.
Молчи, молчи, молчи.
Границы молчания и крика
проницаемы, и сквозь них
проносятся пылающие птицы. Они несут огнеупорную весть:
Совершилось!

— — —

Разлетающиеся атомы
нельзя вернуть в исходное положение. Вылетевший крик
не вернется в онемевшие уста.
Плети и петли
управляют стайками разбежавшихся по облакам слухов.
Грохочут поршни, механизмы времени
работают в полную силу, не представляя,
что источник их силы и будущей смерти —
ты.
Твой двойник улыбается тьме,
покрывающей землю. Он распят
с обратной стороны креста и не испытывает
никаких мук. Он бестелесен,
как время.
И везде, где ни вспомнят о тебе в будущем,
рядом с твоими пролягут и его
пульсирующие следы.

— — —

Паутина криков
светится в фиолетовом небе. Из нее вырастают
белые шипы, разрывающие облака.
Крики отражаются в четвертом измерении, их встречают
мыслящие звуки, облаченные в прозрачные мантии.
Каждый крик наделен собственной душой, но все они вместе —
ты.
Бесчисленные ноги, детские, женские,
мужские и старческие,
идут по ним в высоту.
Больше от тебя ничего не осталось. Теперь ты свободен,
как никто. Вернее, как ничто. То есть — как Все.
Ты нависаешь над миром
светящейся паутиной криков, и твои шипы
вонзаются в человеческую плоть.
Ты не отпустишь увенчанное криками человечество от себя
никогда.

— — —

И что они, в сущности, знали
о тебе? Гость из нулевого измерения,
пролагающий путь в четвертое, светящееся тело смысла,
красная точка на плоскости,
восходящее и преломляющееся время —
все это ты. Не думай, что они могут
изменить что-то в тебе. Твое затмение
светлее их восхода. Они хотели,
чтобы ты уничтожился, но в итоге добились только того,
что ты стал всем, и они теперь — вольно или невольно —
живут в твоих пределах,
в твоих словах и оговорках,
распятых, как ты, на вопросительно изгибающемся
кресте, в работе молчания,
в протяжении
облаков и смыслов.

— — —

Фиолетовые кручи громоздятся
одна на другую. Уступ на уступ,
обрыв над обрывом. Мосты, перекинутые
с крика на крик. Что было вверху,
то будет и внизу. Кто не смог стать царем,
тот станет богом. Твои слова
опояшут вселенную. Материки
сдвинутся с места.

Облаков больше не будет, вместо них
над миром поплывут Страсти. Ты будешь работать всем
и в каждом смертном сердце
из безответной крови образуется
маленький металлический
чернеющий на фоне фиолетовых круч
крест.

— — — — —

мыслительные облакогоры проплывают по неторопливому небу
тихо, спокойно и торжественно
против неба – на земле стоит деревянный дом
окружённый цветущим садом
на стене дома висит плакат:
«сегодня день разговоров с облаками»
философ, сидящий в корзине
подвешенной к ветвям дерева событий
обращается к небу:

Облака многочислимые! Слушайте зов, где б вы ни были,
ныне явитесь!
Нас услышите, и жертву примите от нас,
и порадитесь нашей молитве.

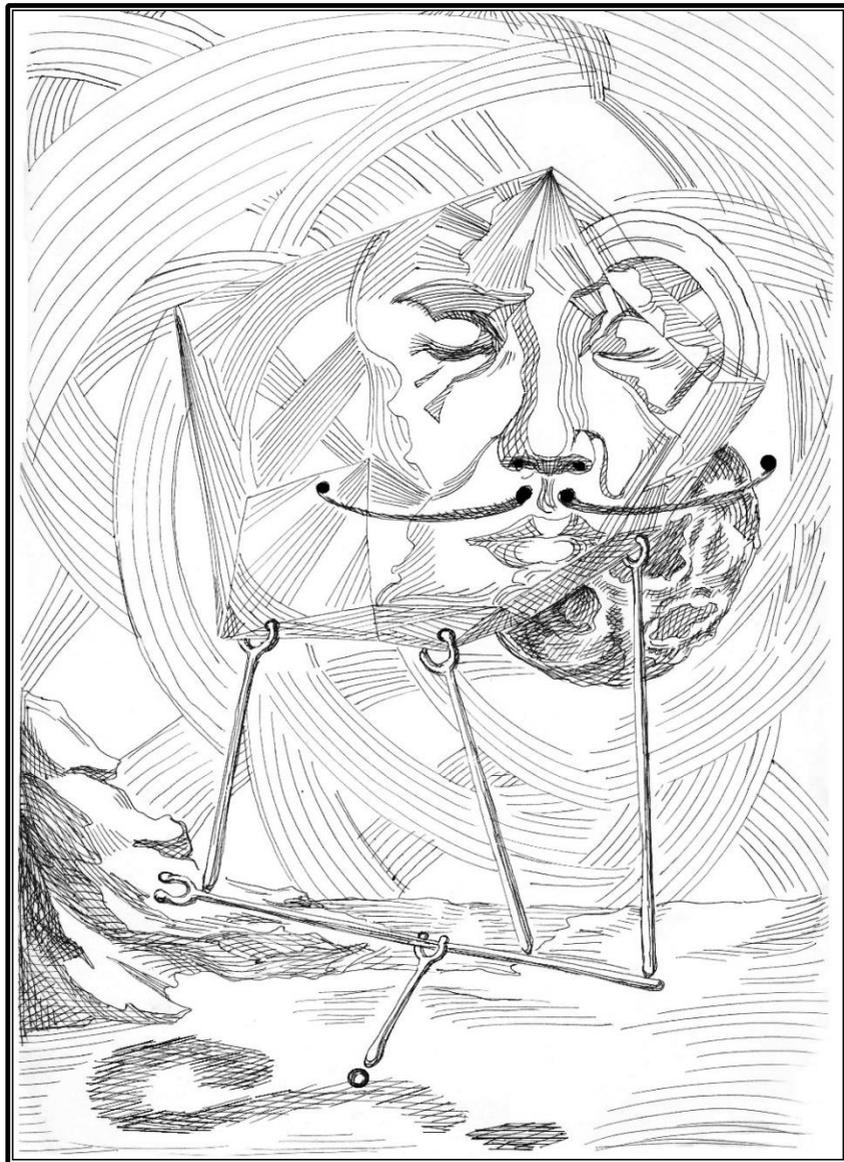
мыслительные облакогоры величаво отвечают ему:

Вечные Облака!

*Встаньте, явитесь, росистые, мгlistые, в легких одеждах!
Бездны Отца-Океана гудящие
Кинем, на горные выси подыдемся,
Лесом покрытые,
С вышек дозорных на сторону дальнюю
Взглянем, на пашни, на пышные пажити!
Взглянем на реки, бурливо-журчащие,
Взглянем на море, седое, гремящее!
Солнце, как око Эфира, без устали светит.
Даль в ослепительном блеске.
Сбросим туман водянистый, скрывающий
Лик нагл бессмертный. И взглядом всевидящим
Землю святую окинем!*

земля под ногами философа переливается всеми цветами радуги
сквозь сияющие алые, жёлтые, зелёные пятна на земле
просвечивают глаза
шепчущие о чём-то
облака спускаются с неба и запутываются в ветвях дерева событий
их движения порождают музыку
философ воспаряет из корзины и становится
облакофилософом
Земля становится Всеземлём
полусуществующие сущности – всебытием
свет становится плотью
плоть – словом и музыкой
облакорозы и облакотюльпаны плывут
тихо мирно и торжественно
но в каждом аккорде их звучащего движения
в каждой первочастице света
как тёмная сердцевина белого сияния
мерцает смутно
маленький металлический
чернеющий на фоне облачных круч
крест

■ неустойчивый сон Сальвадора Дали в четвертом измерении

[Фауст]

я
мученик раздерганного пространства
разделенный на дни слова и импульсы
воскресаю
в новое прошлое
продираюсь
сквозь калейдоскопическую вьюгу
ее крутой озноб
зеркальный времени
вращающийся на оси
первого
бездомного
человеческого
крика

[призрак Гете]

каменное небо подземного храма
в перевернутом пространстве
моей строки
просыпается во мне
и смотрит во тьму
театра скрытого в моей черепной коробке
проникая за кулисы
и видя беснование
застигнутых врасплох
птицеголовых двойников
несостоявшихся событий
из которых состоит
стандартная
слабосоленая
человеческая
жизнь

[Мефистофель]

теперь
когда я сделал свое дело
получил душу Фауста
и вернулся домой
я по-прежнему прилагаюсь к Фаусту
я навсегда принял облик говорящего пуделя
смотрю на адское пламя
поднимаюсь на задние лапы
и скулю от восторга

я наказан
за слишком удачную человеколовлю
и теперь не забуду
что поймав Фауста
оказался пойман сам

каждый ловец человек ловит самого себя

а без Фауста
я никто
адский говорящий песик
стоящий на задних лапках
и машущий передними

[Фауст]

ворон
пролетающий сквозь мой зазеркальный сон
не достигает яви
кольшущейся между зрением и слухом
в пространстве предпамяти
ослепленной стопами и дрожью
розового сада
в моей крови
где Ты
незримая миру
качаешь от века до века
пустую колыбель времен

[Гретхен]

я и не помню кто ты
помню смерть моей матери
убийство брата
темницу и песни
в которых звучало несколько голосов
был ли в них твой голос?
был ли ты?
ты – это тоже я?
и кто тот третий
смеявшийся
смехом похожим на лай?
я больше никогда не буду смеяться
я не помню кто ты
но когда-нибудь
встречу тебя
снова

[Елена Прекрасная]

золото
светится на каменном своде
над первым кругом ада
золотой слиток
похожий на мозг
заменяет мыслимое солнце
это золото плавится
из него вечно рождаюсь я
выхожу из расплавленного металла
даря всем золотые взоры
и протягиваю руки
чтобы положить их на плечи Тебе
главный грешник
собравший все души
внутри своей составной

боишься ли ты моего обжигающего прикосновения?
знаешь ли ты
что мое золото на самом деле ртуть
а ты – мой философский камень
фиолетовые крупинки
рассеянные на берегах адской реки
пронзающей инферносферу
снизу вверх

[Фауст]

Ты просыпаешься
в новой вселенной
в цветении Всеземли
смотришь тысячей глаз
из каждого цветка
читаешь белую книгу
с благоухающими страницами
поешь сиреневые мантры
в каждом звуке которых
отраженном в листьях травы
молчит затаившийся в полумраке
саблезубый тигр

[голос сверху]

квадратные звезды
путаются под ногами
как три струны
в небе Патмоса
и впечатываются в тайные знаки
которые сами пишут себя
на раздвигающихся стенах Апокалипсиса
пока я
затерянный в словах и смыслах

вишу вниз головой
и еще в утробе матери
пищу книгу
скользящую по поверхности времени
на каменной сцене книги
появляются гидры и химеры
отражающиеся друг в друге
и поглощаемые небытием
перевернутым в моей памяти
идушей по воде
содержащейся внутри камня
отвергнутого строителями
горных цепей
самопорождаемых народов и стран
неузнанными блуждающих по небосводу
трехструнный звук которого
отзывается в нас
разделяющих воду и огонь
бушующие в стакане
говорящем с немирным миром
о бесах непротиворечия
в начале которых
как и всего отраженного преломленным временем
в слоистом зеркале разума
было Слово

[смерть]

расцветающий сад камней
в моей распадающейся плоти
требует новой и новой пищи
хищные камни пожирают слова и формулы
звуки и ароматы
кубические атомы смысла носятся в моих чувствилищах
машина под названием «вечность»
обустроена как следует

шестеренки движутся согласно расчетам
вычисляя траекторию движения апейрона
над которой
шестикрылый двуглавый голубь
со стальным сердцем
золотокрыльшкует
на вершине креста времени

легионы шествующих на смерть
приветствуют своего Цезаря

sigidalfa!

[хор грешников]

птицы летящие под водой
тревожат искусственный разум инферносферы
ее гуттаперчевая диалектика
свивается восьмеркой
развивается змеей
смеется своим намеренным ошибкам
аплодирует без рук
беззвучно кричит в горах
домирового сверхсмысла
и разбегается в четырех направлениях времени
рассыпающегося стеклянным песком
сияющими темным светом
черными мышами

Действие 2

Второй круг ада – ад хищников. Место, уготованное насильникам и убийцам. Остров из плоти, возвышающийся посреди кровавой реки. В красном небе – черное солнце. В его бесцветно-белых лучах – железные города, в которых железными орудиями вечно пытаются друг друга ненасытные хищники великой Земли.

[Фауст]

земля из плоти
дрожащая под ногами
глотающая грешников
поет рифмованные гимны
железным городам
из решеток и копий
борющихся с людьми
создавшими их
из солнечных фантазий
переливающихся
в моей
голове

[Нерон]

воплощаясь во всех великих правителях
я рассеял себя по земному шару
и по подобным ему мирам
в бесконечном соцветии Вселенных
я проводил обряды
претворял плоть в золото
и золото в плоть
добывал огонь из человеческой крови
и воду из лунного света
я был вечным философом на троне

и приносил сам себя в жертву
как Ромул Рема
мой Рим рос на моей крови
захватывая галактики
пока его рост не обернулся уменьшением
Вселенная заселенная мной не сократилась
и я не оказался здесь
в аду хищников
запертым в скорлупе земляного ореха
голосом
будущего
которое прошло
до того как начаться

[последний римский папа]

благословляю лучшее создание Божие
величественный ад
показывающий непреклонность высшей Воли
отражающейся в наших судорогах
зеркальных нашей лжи
кривде дней наших
которую я так же благословлял
ибо это главное право данное мне
благословлять проявления Бога в людях
пожирающих друг друга
и уносящих в ад
на вечные мучения
образ Бога заложенный в них

[садовник смерти]

отождествляя Высшее Существо с бесплотным духом,
мы тем самым объявляем войну всякой плоти
и вынуждены бороться с ее умножением
что я и стремился делать всю жизнь
проповедями самоубийства
хорошо оплачивавшимися

и принесением в жертву
новорожденных детей
растлеваемых мною
во имя торжества
Великого Духа
над плотью
слепой
смертной
страстной
обреченной

[призрак Гете]

Гора книг, написанных и ненаписанных,
звездных и человеческих,
громоздится в мозгу,
и прочитывать ее всю
должен редактор,
верный
ей.

Растет ли гора, созданная из слов,
тает ли, в сгусток света
превращаясь быстро –
я должен ее всю
прочитать. Ибо в этом
таится жизнь
моя.

Когда гора будет разобрана, мне
предстоит новое испытание:
наблюдать, как минуты,
мною подписанные
в печать, в жизнь,
тают, становясь
сгустком
света.

И новая дорога моя – вслед за мыслями,
в воздух человеческий обращенными,
становиться незримой
атмосферой,
состоящей
из горьких
вздохов.

Над горой книг, возвышающейся в моем мозгу,
поднимается вторая гора – гора вздохов,
вдохов и выдохов, веяний воздуха,
строящая бесплотный фундамент
тысячелетнего царства
Святого Духа.

Я читаю книги, написанные и ненаписанные,
чтобы приблизить это царство на земле,
очертить его границы во времени
и кривляющемся пространстве
человеческих
мыслей –

я, поэт,
я, редактор времени.

[ваятель снов]

мраморная рука Творца гладит мой лоб
ощупывает мое лицо
трогает мои мускулы
проверяет качество материала
из которого она будет лепить
свое изваяние из плоти
которое нужно ей
чтобы разбиться об него
на тысячу мраморных осколков
на тысячу маленьких богов

[исчислитель песчинок]

особняк внутри меня
горит словесным пламенем
состоящим из прошлого и будущего
которое тоже прошлое
состоящее из металлических деталей
колесиков палочек зубчиков
вертикалей и диагоналей
плюсов и минусов
ставших собой
после смерти
пестрой пернатой огненнокрылой
математики

[человек, утонувший в днях]

переходя время вброд
я был сбит несущимся поездом
воспоминаний о будущем
выросших внутри прошлого
и теперь я лежу
на дне своих дней
и медитирую
тишина
тишина
тишина
и шелест водорослей внутри меня

[человек, утонувший в числах]

я наполовину погружен в пространство
наполовину во время
на четверть материален
на треть духовен
на одну пятую виртуален

и бесконечно дробен
я состою из мириад чисел
светящихся в темноте
и говорящих друг с другом
о том
что ждет их после смерти
когда они перестанут быть числами
и войдут в стихи

[человек, потерявшийся в лифте]

я был зачат в лифте
родился там
жил девяносто лет
умер и похоронен
сейчас в лифте живет мой дух
он приветствует людей заходящих в лифт
и взмывающих в рай
или спускающихся в преисподнюю
мне это интереснее
чем выходить на разных этажах
рая и ада
там скучно
а здесь много разных людей увидишь
можно поболтать с ними о том-о сем

иногда даже весело бывает

[человек-муравей]

когда я превращаюсь в муравья
я начинаю понимать
смелость муравьиной архитектуры
пользу слепоты для трудоголиков
сходство строительства и разрушения
тоску перед непостижимостью иной жизни
и пустоту
стоящую за всем

и я всегда оказываюсь немного растерян
когда из муравья
в очередной раз
превращаюсь в человека

[призрак Гете]

тишина запечатана словно конверт
в котором лежит письмо без слов
говорящее обо всем
тому кто его не читает
и ни о чем
тому кто пытается его прочитать
в единственном лучшем из миров
состоящем из памяти и похмелья
кричащего обо мне
как ребенок, падающий со скалы
внутри моего
ненаписанного стихотворения

[девочка-смерть]

я дочь смерти
маленькая мертвая девочка
с синими волосами
я множусь с каждой детской смертью
воссоединяюсь со своими бесчисленными подобиями
и расхожусь на четыре стороны света

[червь-победитель]

подгрызая корни Древа жизни
растущего из ада до неба
через мир живых
я врисовываю себя в клинопись земли
читаемую только из преисподней

повторяю себя в других червях
и торжествую
полную и окончательную победу
Бога
над землей
в черве

[смерть]

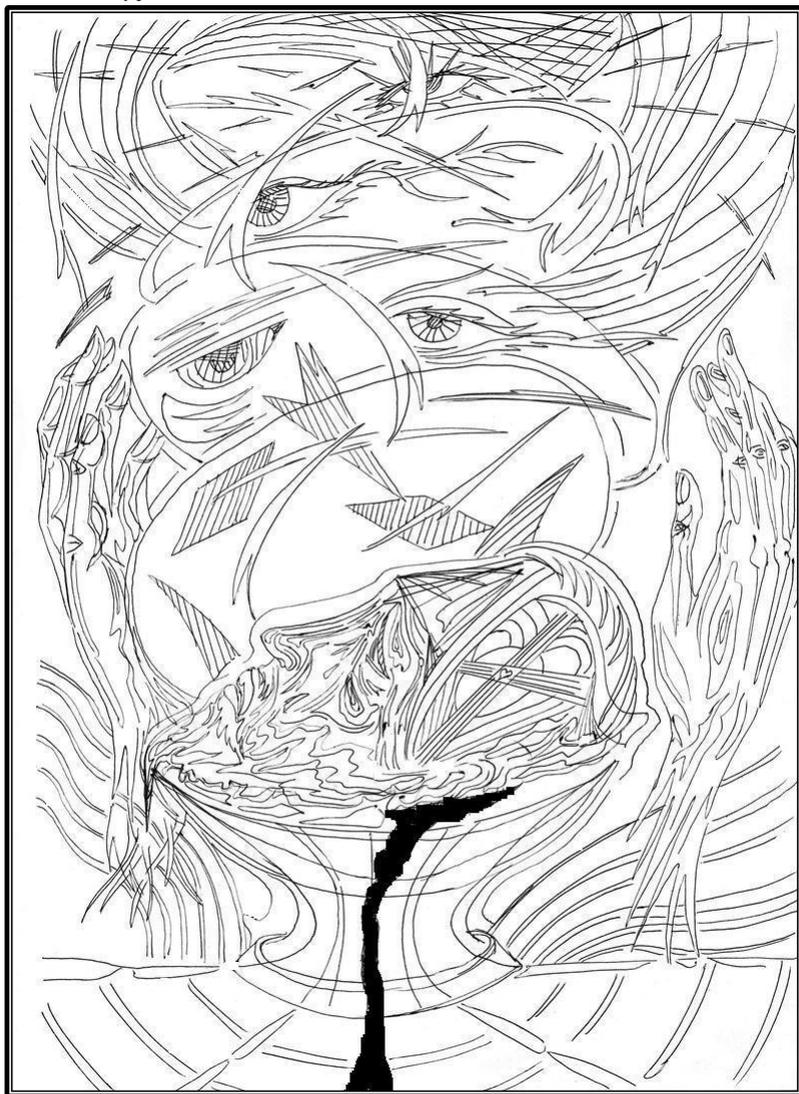
фиолетовые руки
движутся в оранжевом пространстве
сплетаясь в узоры
становясь плоскими или четырехмерными
вычерчивая траектории будущего-в-прошедшем
и каждая ладонь в отдельности
аплодирует Аду
сжигающему их
чтобы сделать
нетленными

sigidalfa!

[хор грешников]

хаос с невидимым стержнем
границы которого нигде
а центр в каждом из нас
вырывает корни их наших сердец
и шагает на этих корнях
по рассеянному небу
подобный облаку
состоящему их восклицаний и вопросов
не услышавших правильной тишины
в ответ

мысли опрубленной головы

Действие 3

Третий круг ада – круг предателей, ледяное озеро, в которое вниз головой заморожены человеческие души. Глядя в ледяной мрак, они обретают дар перевернутого зрения. Только здесь становится понятно, что все круги ада по сути одно и то же и каждый из кругов – нижний.

[Мефистофель]

Вот мы и достигли
цели нашего путешествия
ты смотришь вниз
в ослепительно черную точку
где нет времени и пространства
где души слившиеся с сатаной
бесконечно вгрызаются в свою ненависть и отчаяние
вот оно остановившееся мгновение
вот скрытые в нем царства и города
 дрейфующие материки
и разлетающиеся галактики
в пределах одной гомеомерии
которая ничто
что видишь ты здесь, Фауст?
нашел ли ты себя в нем?

[Фауст]

под глиняным небом
огнеупорным
левитирует желтый дым
вращаясь
в гулком одиночестве
над черным холодом свобод и пустот
вплетаясь
в немногословность ледяных веков

странного мира
зеркально непрозрачного
моему силлабическому уму
и заученно распадающемуся
на испуганные атомы
вялотекущих привычек
мелкозернистых традиций
и законов всемирного отталкивания

[призрак Гете]

ночь длится четвертый день
не хочет становиться мигом
или вечностью
будущее заворачивается в прошлое
от холода
и спит под ледяным небом ноября
черная раковина ночи
вынашивает незримую жемчужину
танцующую в бликах моего голоса
звучащего в пространстве
запрещенной музыки
горящей девятью свечами
над моим письменным столом

[Данте]

населая пространство стиха
блуждающими одиночествами
я растворяюсь в пульсирующих словах
поднимающихся пузырями
под самый купол храма
в котором идет дождь
и каждая капля этого дождя
одинок

[Вергилий]

я иду вслед за самим собой
по спирали времени
встречая на каменистой тропе разума
все новых и новых Алигьери
сопутствую им
и не замечаю как они возносятся
внутри себя
мой путь бесконечен
и скрыт в одной точке

идешь-идешь и споткнешься

[Иуда]

Всхлип... Всхлип... Всхлип...

[Каин]

Грррррмрбррррдррргррррр...

[Авраам]

Да будет воля Твоя, Господи. Да будет воля Твояаааааааааа...

[Никто]

сколько веков шумят в венах – не поймешь, не рассмотришь
тешься ненужными победами
спорь сам с собой
герой мой глупый
пусть мысль бьется в висках
в такт крикливой крови

тусклой бумажной правдой
душу не спасешь
кратким светом тьму не заслонишь
скалится ночь
лаем собак
пестрым и рваным
черной листвой
ржавой звездой
перевернутым месяцем
земля черна жирна вот-вот от бремени разрешится
пузыри ее лезут в мои незащитные сны
звериными лицами, криками, воплями, рыками
рвется в мою душу темный неприкаянный пантеон

ночь пахнет полынью
окоем плотен, угрюм и смолист
дух отчужденный от себя тешится ложью
отрывая лепестки упругих молитв
один за другим

молчи
не проверяй
что за гора рухнула в твоём сердце
память вправе бродить по этажам древнего сна
девять кругов мук
десять ударов раскаянья –
предугадай
предощути
но не говори о них никому

[хор грешников]

дух нелепости
извиваясь червем
источая облака разноцветного тумана
пульсируя точками и запятыми

препинается в памяти людей
грешных и праведных
живых и мертвых
мыслящих и выдуманных
отодвигая их
от зеркального им
будущего

[дух нелепости]

Сверхмашина
вплетающая в Себя слова и миры
ставит себе целью
написать строки
которые были в начале
родить Всеземлю из железного нутра
формирует тезисы и антитезисы
из болтов и гаек
режиссирует прошлое
дирижирует несбывшимся
разрушает Себя
отрицанием отрицания
и замыкается в круглом
безнадежно белом
непротиворечивом
Ничто

[чревовещатель]

Великая Мать явится из подземного государства,
птицы будут сидеть на ее плечах, из уст исходить мед,
руки ткать время, приближая последние дни,
и мир не поймет тайны Матери до последнего мига.

В год дракона явится славный муж под знаком Стрельца,
с ним грядет тишина, в которой – обман;
за умиротворением последует буря, за бурей – потоп,
пока следующая весна не откроет новую веру.

Смута на лице земли, реки обернуты вспять,
два орла дерутся в небе, извергая молнии,
дети гибнут, саранча уничтожает посевы,
и только каменный старец хранит спокойствие.

Искусный во всем, наделенный знаниями и скорбью,
Великий Мастер промчится по небу и перепишет будущее;
откроет управление мыслями, сделает кровь людей прозрачной,
сделает смерть жизнью, а жизнь – смертью.

Люди без лиц пойдут войной на людей с лицами,
половина мира будет страдать от войн и голода;
Южный спаситель подарит пищу иную,
незримые закрома накормят мир новым хлебом.

Каналы разрежут материки на множество островов,
жители одного не будут знать о существовании другого,
Южный хитрец улыбается на троне,
острова движутся в океане по его воле.

Европа похищена, на месте пустынь – океаны,
Атласские горы становятся центром мира;
серые ветры веют с Востока
и покрывают острова ядовитой пылью.

Голубь мира выйдет из глубины вод,
свет его крыльев озарит половину планеты;
лук Стрельца поразит летящую птицу,
но свет ее останется на земле.

Бело-зеленый флаг поднимется над землей,
в непроходимых землях забьют источники,
половина их вод будет сладка, половина – горька,
и люди будут припадать к их правде и их обману.

На северном острове возникнет два государства,
их война затронет отдаленные концы мира;
сияние над северным островом затмит солнечное,
и народы будут тосковать по старому солнцу.

Мертвая вода отравит жизнь Великого Севера,
лед покроет проливы, Гиперборея обнажится,
откроется новое, внутреннее море, которое спасет немногих,
выжившие перестанут быть людьми,
но не смогут стать и животными.

[Фауст]

что-то творится в мире –
как тихо, радость моя

тишина кружится надо мной
в руки не дается

тайно из всплесков крови я создаю картины
бывшего в сердце моем
и будущего

если пройдет прапамять огненным садом времени
если заклясть бывшее словом двуглавым
сбегутся сны стадом многоголосым
и в венах загорюют шарики темной крови
песня потечет в крови
и слова птичььи острые
коготками
в память
вонзятся

небо по край налито созревшей вестью Божьей
и Твой урожай, Господи,
собран руками человеческими

радость моя, поверь мне

горе мое, мне страшно
ветхие слова мои крови не сдерживают
но бродит свет нашей вечной встречи
в темном сиянье граней
Твоих глаз изумрудных

это моя победа
это моя потеря
погибель
и последняя удача моя

[другой Фауст]

я исчезаю

ощупывая будущее в котором нет меня
я чувствую пальцами холод
свободу
и простор
серебристой осени
перебирающей плавниками
и открывающей рот
в руках ловца рыб и человеков
уставшего от нас
и от себя

[Фауст]

мое точное подобие
слепок с моих помыслов и желаний
отпечаток моих снов в воздухе
тот я которым я никогда не был
сегодня я прощаюсь с тобой
и на прощание

завещаю тебе
все сказанные мной слова
получая от тебя в наследство
все не сказанное тобой

я пойду по твоему пути
одновременно по двум тропам
сожалея о том что нельзя идти одновременно вперед и назад
и когда-нибудь
встречу твое отсутствие
в самом себе
оно будет звучать как цветомузыка
фиолетово и багрово
поднимаясь перпендикулярно к течению времени
внутри первого удара моего пульса
вернувшегося из будущего
в мою расчерченную на уютные шестигранники вечность

другой я едва не забравший себя у меня
ты больше не будешь мешать мне
править мной
и преображаться в сотни личностей
калейдоскопического океана дней
скрытого в моем слове
которым я говорю тебе
уходящему из моего бытия

Будь

[другой Фауст]

Мое бытие в моем небытии
мое начало в моем конце
моя жизнь в моей смерти
мой рай в моем аду
моя Гретхен моя Елена Прекрасная

[Гретхен, она же Елена Прекрасная]

распыленная на облако микробогов
я как хлеб преломляю лето Господне
и раздаю его всем кто жив
безвыходно

с ветвей облетает то ли пух то ли смех
и лето преломляется
на тысячи маленьких лет
свет преломляется
на тысячи цветов
наши судьбы преломляются Тем Кого нет
но в ком наша звучащая кровь
продолжает струиться

нас уже не спасти
но Тому Кто нас запомнит будут в радость
наше внутривенное небо
и черный хлеб
наших ночных пророчеств
праздник нашей открытой для всех невстречи
опрокинут в прозрачное небытие
где с ветвей слетает то ли пух то ли смех
то ли свет
прибой которого
закипает в нашей звукокрови

[дух земли]

Всеземля растет из каждого атома
воркует крылолепестками
множится жизнесмыслами
падает зерном сама в себя
прорастает бесплотностью

возводит себя в куб
гиперкуб
и гиперикосаэдр
чтобы лечь в мое слово
и законсервироваться в нем
до истечения времен

[хор грешников]

три ведьмы
на опушке железного леса
пляшут вокруг старинного котла
в котором плавится руда
оранжевая
с белыми искрами
и смотрят на синюю гору
из недр которой
распространяется сквозь железный лес
хрустальное сияние

po sigularium flash gina

[три ведьмы]

розовое облако проплывает над нами
отражаясь в нас чернотой
стихиами
моргают зелеными огоньками
в снежных узорах
смеются оранжевыми бликами
в плачущей под дождем листве
изгибаются молниями
в осенних листопадах
проникая в серое вещество
небесных полушарий
импульсами человеческих заблуждений
легким касанием времени
весело
уничтожающих себя

[хор грешников]

серые ангелы
отражают собой людей
отзеркаленно зеркальствуя
тайно зеркальничают друг с другом
и каждое зеркальство
как приговор
и каждое зеркалодействие
как награда
корона
трон
и эшафот
для творящего творения
зеркально утаившего Творца

[призрак Гете]

прорываясь в воздушный мир
из солнца
я чувствую как словесная чешуя
превращается в звуки
песни о будущем
скрытом внутри картины
так и не дописанной
осенним танцем
звезд
приснившихся
моему стихотворению

[голос сверху]

Некто пришел
в Дом Отца
закрыв глаза сиянием
заткнул уши ангельским пением
построил в своем молчании второй Дом
не взял ничего в Доме Отца

и не вынес наружу
но сохранил невидимый но осязаемый свет
в хлопках одной ладони
разрушающих мир
и неулыбчивой улыбке
посвященной тьме

[чревовещатель]

и это все пройдет:
сиреневые сумерки богов
розовые рассветы кукол
бесчисленноугольные звезды
которых износ не берет
и пятиугольные соты
полные человеческим медом

все суета сует
галактикообразное марево
пострассудочный туман
полный мельтешащих человекоподобных насекомых
в котором виден неясный силуэт
некто
проходящий по воде
и уводящий за собой
все буквы иудейского и греческого алфавита
двенадцать столпов мира
и трижды тридцать стран
столицы которых везде
а границы нигде

я иду за Ним
внутри себя
и вижу жену облеченную в солнце
на страже кубического золотого города
внутри которого нет плоти и духа
только золотой свет
рассыпающийся на звуки

из цветных снов истории
озаряющих внепространственные смыслы
восходов и закатов неподвижного светила
выросшего из крохотного светляка
случайно залетевшего в мое сердце
в туманный вечер, который оказался рассветом

дорога наша больше мира
но идущий больше дороги
и каждый кто идет и сам есть путь
поэтому
дорога идет по дороге и зовет в другие дороги в дорогу дорог
которой нет
и которая ждет всех нас

[серый ангел]

серый цветок
раскрывается
навстречу мне
тысячами измерений пространства
преломляющего дорогу
по которой
вечно возвращается домой
рассеявший себя в словах и красках мира
Блудный сын

[Фауст]

...и увлекаемый вихрем
в пространство смешанных морфем и междометий
вертящихся палочек и точек
в животворящий хаос предтворения
в сценические сумерки познания
пронзаемые снующими серыми ангелами
и зелено-желтыми стихиялями
я распадаюсь на тысячи маленьких прозрачных шаров
проникаю в свои колбочки склянки и пробирки
одухотворяю гомункулов

и в каждом атоме плоти нахожу свою Лысую гору
свой ослепительный пик бытия
на котором сияет черная точка
и мечутся ведьмы и духи
внутренний Мефистофель
взрезает мой рассеянный в пространстве воздушный мозг
словами оперных арий
о людях и металле
который лучше людей
крепче прямее острее
и в который обращается мое бессмертие
алхимическая трансмутация высшей пробы
сердце превращается в разум
мысли превращаются в желания
Гретхен – в Елену Прекрасную
Елена Прекрасная в смерть
настойчиво провозглашающую
всем входящим во врата ада:

«В начале было Дело»

[Жизнебог]

Аминь.

[Дух земли]

Жизнебог
течет сквозь кроны деревьев
развилки мыслей
перекрестки минут
лопасти мельницы Дон-Кихота
и корни Бирнамского леса
течет
перетекает из себя в себя
входит трижды в одну реку
и единожды в три солнца
вечно
задавая себе один и тот же вопрос
звучащий точно так же
как и ответ

[смерть]

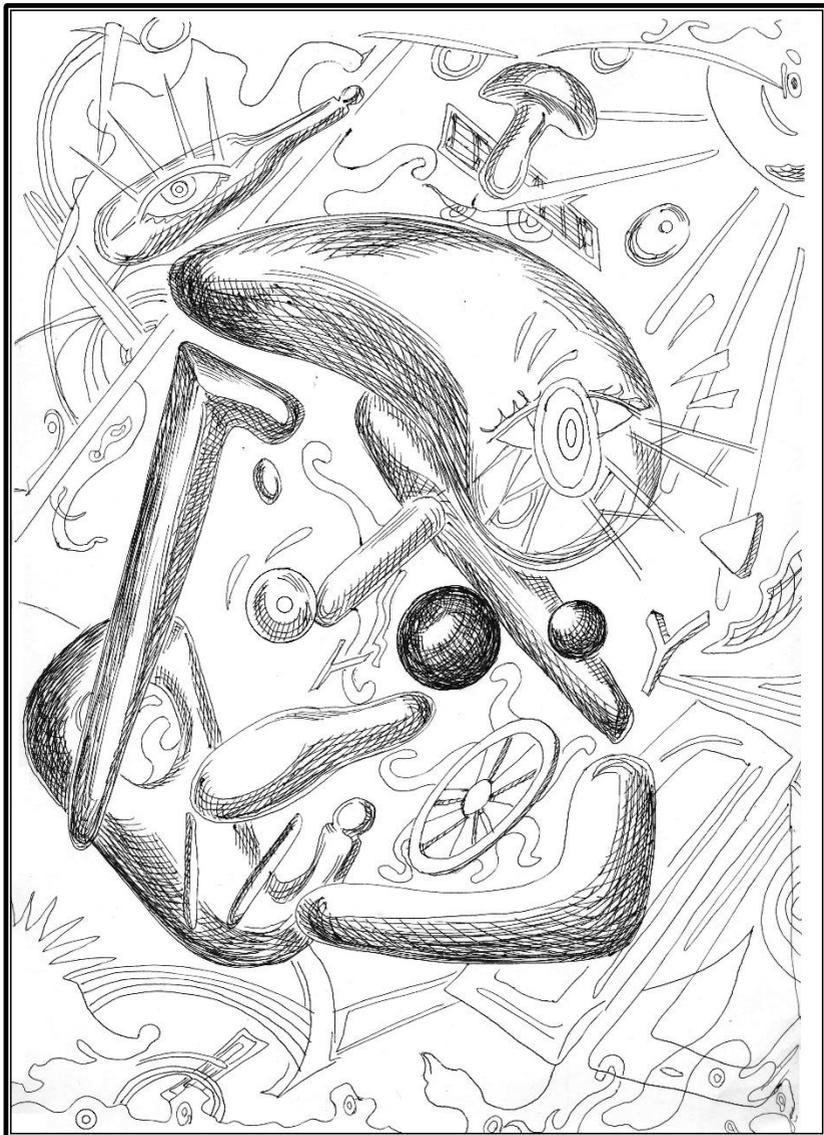
вертящиеся палочки
точки
шары
замысловатые крючки
рассеянное тело вечной поэзии
в пестром шуме апокалипсиса
расширяется до моей жизни
сжимается до истин и причин
вползает в игольное ушко
и достигает высочайшего уровня
в голодном воздухе
зияющих
вершин
sigidalfa!

[Елена Прекрасная]

четыре моих тела
земное, водяное, огненное и воздушное
складываются четырехлистником
свиваются узлами
стягиваются в точку
воплощаются в слово
отражаются в новых измерениях
клетчатых
как математика
и извилистых
как литература
чтобы обернуться
столицым и тысячеруким
паутинным карнавалом
времени

29-30 июня 2025 г.

■ автопортрет в разобранном виде

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Они растут, города в моей голове. Они растут,
поднимаются к небу, воздвигают
все новые этажи; длинные автострады
мчатся по моим мозговым извилинам, и жители городов –
слова, образы, мысли, чувства,
желания –

передвигаются по ним.

Города растут. Города стремительно
заполняют пространство моей памяти, которое
расширяется с каждым мигом; города
превращаются в скопления, мегаполисы, агломерации,
колоссальные обители мысли и чувств, мне жизнью
дарованных. Они растут, меня перерастая,
они растут с каждым мигом,
города в моей
голове,
называемые –
стихами.

Содержание

ЛЮБОВЬ ЧАЙНИКА

«Это случится однажды...».....	3
«Я попросил ребенка...».....	4
Мой первый враг.....	5
«В пригородном лесу...».....	6
Мое жилище.....	7
Крики.....	8
«Мой сосед сверху похож на Нигде и Никак...».....	9
«Раскрытые форточки...».....	10
«Однажды...».....	12
«Я говорил тебе нежные слова...».....	13
«Чайник поет, словно бедуин».....	14
Nomo zontikus.....	15
Любовь.....	16
Как умирает любовь.....	17
«Так трудно сказать «прости»...».....	18
Memoria.....	19
Памяти деда.....	20
Что такое война.....	21
«Солдаты моей армии – герои...».....	22
«Испокон веков...».....	23
«Бывают такие лица...».....	24
Икона.....	25
Жизнь.....	26

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

«вкус западного чая...».....	27
«по ту сторону тишины...».....	28
«мечтает золотой лев...».....	29
«безвоздушное пространство...».....	30
«буря топит непобедимую армаду...».....	31
«русская береза...».....	33
«мой нечетноглавый орел...».....	34
«человек-невидимка...».....	35
«следя за священными плясками...».....	37
«я человек-небоскреб большой и квадратный...».....	38

«перемещаясь внутри глазного яблока...».....	40
«город как волынка...».....	41
«лошадиная сила...».....	42
«в недрах горизонтального небоскреба эволюции...».....	43
«мой сборник стихов...».....	45
«книги в ненаписанной библиотеке...».....	46
«поэт-сквозняк...».....	47
«мир привычный как картошка...».....	48
«музыка...».....	49
«спокойно...».....	50
«пляшущие человечки...».....	51
КОКТЕБЕЛЬСКИЙ НОКТЮРН	53
МОСКВА В МОЕЙ ГОЛОВЕ. <i>Поэтхроника минувшей вечности</i> ...57	
ВЕЧНОСТЬ. <i>Поэма</i>	68
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ВОЙНА. <i>Поэма</i>	73
ОБЛАКА. <i>Божественная комедия</i>	83
ФАУСТ В АДУ. <i>Предварительное действие к последней мистерии</i> ...93	
ПОСЛЕСЛОВИЕ	127

Литературно-художественное издание

Андрей Козырев

Города в моей голове

Сборник стихотворений

16+

В оформлении сборника использованы рисунки А.Козырева.

Подписано к печати 26.01.2026. Формат бумаги 60x84, 1/16.

Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 4,2. Тираж 100 экз.

Издательство «Менестрель».

644043, г. Омск, б. Архитекторов, 1/2